

А.В.Бобровников

Мексика сохраняет свой шанс

Статья продолжает дискуссию об особенностях мексиканской модели развития. Отталкиваясь от широко распространенных представлений о «пограничности» мексиканского общества и глубокой интеграции страны в глобальное разделение труда, автор предлагает гипотезу «первичного импульса» или «передовой линии», рассуждает о том, как эта характерная историческая особенность Мексики может сработать в ближайшем будущем в условиях формирования элементов новой экономики.

Ключевые слова: «пограничность», «макиладорас», глобальное разделение труда, инновации, «многоколейная дорога».

Судьба Мексики продолжает вызывать живейший интерес. Удивляться не приходится, учитывая непростую историю страны и общества, особенности ее геополитического положения.

Мексиканскую специфику, наверное, проще всего уловить в сравнении с другим латиноамериканским гигантом — Бразилией. Выступая на конференции, организованной испанским «Fundación Botín» пару лет назад с целью обсудить перспективы развития Мексики, один из высокопоставленных сотрудников финансовой группы «Santander» Хосе Хуан Руис недвусмысленно заметил следующее. Бразильцы только и говорят, что о будущем, и не вспоминают ни о португальской колонизации, ни о монархии XIX в. А мексиканцы стали заложниками собственных исторических мифов. В подтверждение он напомнил слова лидера Институционно-революционной партии (Partido Revolucionario Institucional, PRI) Беатрис Паредес: «Бразилию отличает от Мексики то, что у нее никогда не было ни Малинче, ни генерала Карденаса»¹. Понятно, считает Руис, что бразильцы дышат оптимизмом, а в Мексике доминируют представления, что у существующих проблем просто нет решения. А основная беда мексиканцев, резюмирует он, состоит в том, что «они не верят в себя». Интересное психологическое наблюдение, хотя насколько оно приближает нас к пониманию пути развития Мексики и загадок ее истории?

Единства в оценке перспектив развития самой северной из латиноамериканских стран действительно нет. Ряд известных российских и мексиканских исследователей продолжают считать, что разворот Мексики в сторону неолиберализма и тесного партнерства с США уже полтора десятилетия

Александр Вячеславович Бобровников — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН (revistala@mtu-net.ru).

тия назад лишили страну возможностей продвижения по пути самостоятельного инновационного развития². Другие видят очевидные признаки надвигающейся политической нестабильности как следствия ухудшения экономического положения и бесконечных кровавых «разборок» между наркокланами. Третьи, и к их числу относится автор этих строк, склоняются к тому, что вопреки очевидным объективным трудностям Мексика имеет возможность продолжить свое восхождение на Олимп акторов мирового уровня³. Наконец, четвертые, не отрицая самой возможности восхождения Мексики, видят в нем потенциальную угрозу существованию США. И речь в данном случае зачастую идет не только о реально существующих проблемах иммиграции с юга (например, у Патрика Бьюкенена), но и о якобы существующей потенциальной угрозе прямого военного конфликта на исходе XXI в. (у Джорджа Фридмана⁴).

В вопросе о судьбе Мексики большие ожидания уже не раз сменялись откровенными сомнениями, и наоборот. Достаточно вспомнить недавний опыт специалистов из исследовательской группы банка «Goldman Sachs», которые «запустили» всемирно известную сейчас идею о формировании группы BRIC⁵. Первоначально они сочли Мексику едва ли не первым претендентом на присоединение к большой четверке. Через несколько лет автор идеи Джим О'Нил поместил Мексику вместе с Ираном и Пакистаном в третий эшелон восходящих стран⁶, которые сильно разочаровали специалистов в годы кризиса (2009 г.).

Так, что же все-таки ждет Мексику?

ОНИ ПОЧТИ ВСЕГДА ОКАЗЫВАЛИСЬ ПЕРВЫМИ

Сложилось так, что именно мексиканцы оказались «на передовой», на границе с тем, что сегодня нередко именуют «глобальной цивилизацией». Латиноамериканский регион был вынужден постоянно искать ответы на сильные вызовы извне, а первыми их, как правило, ощущали мексиканцы.

Осмысливая историю Мексики, можно, наверное, создать целую теорию «первичного импульса» или «перволотчка». Трудно сказать, когда это началось. Можно вспомнить, что из «высоких цивилизаций» Америки именно ацтеки первыми столкнулись со всеми «прелестями» Конкисты. Много позднее именно в Новой Испании была осуществлена первая (пусть и неудачная) попытка государственного переворота для отстранения от власти колониальной администрации. Произошла она в сентябре 1808 г. после интервенции наполеоновской армии на Иберийский полуостров. Широкое же освободительное движение на территории Мексики началось в 1810 г. также как в Венесуэле, Новой Гранаде, Ла-Плате и Чили. И тем не менее нигде в тот момент оно не обрело того «всемирного» характера, как в Мексике времен Мигеля Идальго и Хосе Мариа Морелоса.

Позднее южный сосед США первым познал существо «доктрины Монро», а вылилось это в утрату страной почти половины своей территории. До сих пор классическим примером непомерной жестокости при взимании долгов остается бомбардировка венесуэльских г. Пуэрто-Кабельо и Маракайбо объединенным флотом Великобритании, Германии и Италии (1902 г.). Однако за четыре десятилетия до этого именно проблема невозможности погасить долги стала поводом для интервенции на территорию Мексики

Президент Ласаро Карденас (1934—1940), заложивший основы государственно-капиталистической модели

сил Испании, Англии и Франции, прологом последовавшей за этим французской оккупации и временного восстановления империи.

В 1910—1917 гг. в Мексике произошла всемирно известная народная революция, создавшая предпосылки для проведения самой масштабной в Латинской Америке аграрной реформы, хотя реально ее осуществление началось два десятилетия спустя. Мексика первой в регионе избавилась от такой характерной «традиции», как военные перевороты. Семь десятилетий страной управляла одна партия — PRI. При всех возможных плюсах и минусах такой системы политического руководства она оставалась уникальной на фоне других латиноамериканских стран.

В 60—70-е годы в Латинской Америке Мексика определенно выделялась более самостоятельным политическим курсом. Она была

единственным членом ОАГ, отказавшимся поддержать блокаду Кубы. После военного переворота в Бразилии именно Мексика перехватила инициативу создания первой в истории «безъядерной зоны» и «Договор Тлателолко» был подписан в здании ее МИД в 1967 г. Другая встреча, прошедшая там же через семь лет в рамках так называемого «Нового диалога» США со странами Латинской Америки, завершилась принятием «Декларации Тлателолко»⁷. Вопреки ожиданиям американской администрации, рассчитывавшей в то время реанимировать панамериканизм, в декларации содержалось требование признания реальности латиноамериканского единства и сходства проблем Латинской Америки с проблемами «третьего мира».

В 90-е годы произошел новый разворот в политике Мексики. В 1993 г. она первой из латиноамериканских стран вошла в крупнейшее по мировым масштабам объединение — Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС). В 1994 г. первым из латиноамериканских государств она стала членом «клуба развитых стран» — Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а в 2006 г. генеральным секретарем этой организации был избран мексиканец Анхель Гурриа. В том же 1994 г. завершилось формирование первого интеграционного объединения нового типа — Североамериканской зоны свободной торговли (North American Free Trade Agreement, NAFTA) из числа ведущих (США и Канада) и так называемых «периферийных» государств мира (Мексика). В продолжение траектории «молчаливой интеграции» именно Мексика с известного саммита в Майями в 1994 г. рассматривалась Соединенными Штатами как важнейшее звено в реализации общеконтинентального проекта зо-

ны свободной торговли (Acuerdo de Libre Comercio de las Américas, ALCA). Хотя, как считает Владимир Петрович Сударев, на деле мексиканское руководство (как и канадское) зачастую притормаживало реализацию проекта в рабочих группах, опасаясь утраты монопольных позиций страны на рынке США⁸.

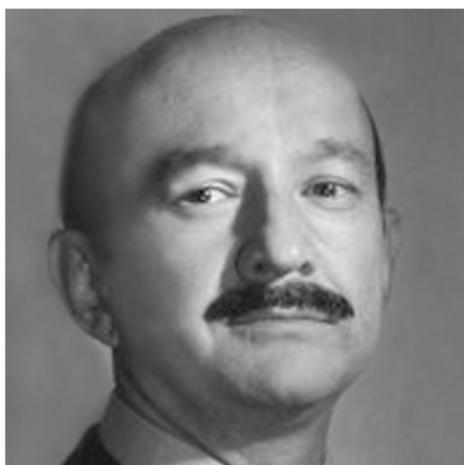
Дело не ограничивалось политикой и институциональной сферой. Сходное положение складывалось для Мексики в сфере хозяйственного строительства, особенно в XX столетии. Так или иначе об этом уже не раз упоминалось в отечественных научных исследованиях.

Первый нефтяной анклав в Латинской Америке был создан английскими и североамериканскими компаниями в Мексике уже на рубеже XIX—XX вв. Лишь после национализации нефтяной отрасли в Мексике в 30-е годы первенство в экспорте жидкого топлива перешло к Венесуэле. Мексику недаром считают чуть ли не родиной «зеленой революции». Во всяком случае именно в годы Второй мировой войны она стала полигоном для специальной программы качественной перестройки технологий сельскохозяйственного производства, видимо, как альтернативы проводимой в стране аграрной реформы. Уже в 70-е годы, как показал Вадим Александрович Теперман, в северной приграничной зоне Мексики было организовано производство свежих овощей и фруктов (томаты, цитрусовые, клубника и др.) для североамериканского рынка, и в этом плане мексиканцы намного опередили чилийских, аргентинских или доминиканских экспортеров, начавших развивать сходное производство позднее⁹.

Каждый новый виток в развитии инфраструктуры в первую очередь захватывал Мексику. Так произошло с железнодорожным строительством в эпоху «порфириата» (1875—1910)¹⁰, позднее — со строительством автодорог, включая Панамериканское шоссе. По плотности асфальтированных шоссежных дорог на 1000 км² Мексика (ок. 66 км) и сегодня опережает Аргентину (25), Бразилию (11), Канаду (56), уступая в Западном полушарии лишь США (449), небольшим карибским и некоторым центральноамериканским государствам. Впрочем, это по-прежнему касается и железных дорог — 13,6 км (против 3,5 в Бразилии, 5,8 в Канаде и 23 в США)¹¹. При распространении телекоммуникационных технологий в последнее десятилетие наблюдалась сходная картина. В 2000—2011 гг. число мексиканцев — пользователей мобильными телефонами выросло в семь раз, Интернетом — в восемь раз. И хотя Мексика уступает Бразилии по числу Интернет-пользователей (в 2010 г. соответственно 31,1 и 40,7 на 100 человек), по количеству хостов (центральных процессоров) она первенствует в регионе.

Самым масштабным для Мексики оказался поворот в развитии северных штатов, определивший начало включения страны в глобальное разделение труда, как его определили много позднее. В этом плане в конце 60-х—70-е годы XX в. она опережала не только все латиноамериканские государства, но и будущих «тигров» Юго-Восточной Азии.

Вместе с тем саму идею «первичного импульса» извне не стоит абсолютизировать. За два столетия мексиканцы в полной мере освоили стратегии «быстрого реагирования». Как отмечал в одной из работ Владимир Михайлович Давыдов, «Мексика первой среди латиноамериканских стран приняла курс на национализацию иностранной собственности в промышленности. Были заложены основы государственного сектора экономики. Показа-

Президент Карлос Салинас де Гортари (1988—1994), «архитектор» неолиберальной перестройки («Salinastroica»)

вестный российский специалист по проблемам развития Мексики Игорь Константинович Шереметьев справедливо полагает, что именно вторая половина 30-х годов стала моментом рождения самой «мексиканской модели развития», которую он характеризует как «государственно-капиталистическую»¹³. Однако преобразования проходили в очень сложных для мексиканского правительства условиях неустойчивой внешнеторговой конъюнктуры и снижения притока иностранного капитала до самого низкого уровня в первой половине XX столетия. После выхода из предвоенной депрессии начался почти 40-летний период динамичного развития экономики Мексики, что является уникальной чертой на фоне всех других крупных стран региона. Но через два десятилетия стало ясно, что платой за такой взлет становятся ухудшение состояния платежного баланса и принятие модели развития в долг.

Не удивительно, что в 1982 г. Мексика первой в регионе приняла на себя удар финансово-экономического кризиса, ставшего прологом обострения тяжелейшей проблемы латиноамериканских долгов и началом «потерянного для развития десятилетия». Вскоре она снова стала испытательным полигоном для новой схемы США по урегулированию внешней задолженности латиноамериканских стран, известной как «План Бейкера» (хотя Бразилии и Эквадору в такой «помощи» было отказано, и они объявили частичный дефолт). Естественно Мексика была включена в принятый вскоре План Брейди и первой в мире сумела урегулировать проблему своей внешней задолженности в рамках данного плана¹⁴.

В конце 80-х годов при правительстве Карлоса Салинаса де Гортари страна превратилась едва ли не в витрину модных в то время «неолиберальных преобразований». В принципе Чили совершила сходный разворот к либерализму много раньше, следуя еще рекомендациям команды экспертов «Чикаго бойз». Однако авторитарная диктатура Аугусто Пиночета выглядела слишком одиозной даже на фоне широкой палитры военных режимов в других латиноамериканских странах и никак не подходила на роль

тельно, что к тому же периоду относится первая инициатива в организации научно-исследовательской работы в общегосударственных масштабах»¹². Имеется в виду решение 1935 г. об учреждении Национального совета по высшему образованию и научным исследованиям.

Движение по пути импортзамещения в Мексике ускорилося в годы президентства Ласаро Карденаса (1934—1940), правительство которого приняло меры по защите внутреннего рынка и укреплению позиций государства в ряде ключевых отраслей (нефтяной, энергетической), создало сеть национальных банков, ускорило аграрные преобразования. Оценивая этот период, из-

промоутера североамериканской «либеральной демократии». Поэтому именно Мексика с ее давними традициями гражданского правления стала самым подходящим образцом новой стратегии развития.

Но прошло совсем немного времени, и кризис 1994—1995 гг., в котором уже тогда проявились некоторые черты глобальных кризисов современной эпохи, заметно убавил оптимизма по поводу мексиканской модели, как впрочем и неолиберальной стратегии в целом. Мы уже писали о том, что ввиду совершенной неожиданности этого кризиса «после 1995 г. эйфория, царившая во многих странах региона, заметно пошла на убыль при одновременном росте антиреформаторских настроений»¹⁵.

Наконец, нельзя не отметить, что уже не одно десятилетие Мексика выделяется на фоне всех других латиноамериканских стран как нетто-экспортер услуг, пусть в данном случае речь и идет преимущественно о сфере туризма. К тому же в 90-е годы положение во внешнем секторе ее экономики в целом резко изменилось. Второе десятилетие Мексика является крупнейшим экспортером в регионе, в 2000-е годы на ее долю приходилось от 30 до 40% всего экспорта стран Латинской Америки, хотя Бразилия продолжает упорно наращивать свое участие (22% в 2009 г.)¹⁶.

Мы напомним лишь некоторые характерные эпизоды мексиканской истории. На самом деле можно найти еще немало примеров, подтверждающих гипотезу «первенства». Предоставим читателю возможность продолжить этот ряд.

ПОГРАНИЧЬЕ...

И этим сказано почти все. Здесь невольно вспоминаешь о теории нашего соотечественника Льва Николаевича Гумилева, давшего блестящую и яркую характеристику «людей пограничья» на примере южных и восточных областей России. Именно на границах, считал Гумилев, сформировался особый субэтнос, позднее обретший черты почти самостоятельного этноса (казаки)¹⁷. Мексиканские исследователи также выделяют «пограничность» в качестве одной из основных черт национальной культуры и всего процесса цивилиогенеза в стране¹⁸.

Да и этнические процессы здесь отличаются от происходящих в других государствах Латинской Америки. Этот феномен мексиканские исследователи определили как «метисацию». Жители США с гордостью подчеркивают, что их страна играет роль своего рода «плавильного тигля» для представителей других культур, наций или рас, принявших решение перебраться сюда и приобщиться к «американской мечте»¹⁹. Мексиканцы также с особым чувством относятся к своей стране, культуре и четко осознают собственную идентичность (впрочем, это свойство «людей пограничья», для которых в условиях постоянного давления извне сохранение идентичности зачастую равносильно сохранению жизни). И тем не менее объективно «плавильный тигль» в Мексике действует даже сильнее, чем в США. Объяснение простое: один язык, одна религия, одна культура, отсутствие демонстративных различий между штатами (например, с точки зрения законодательства, что давно уже стало поводом для шуток в отношении многих штатов в США²⁰), толерантное восприятие межэтнических браков.

Более того, именно мексиканский случай, пожалуй, в наибольшей мере отвечает общим закономерностям развития «пограничных цивилизаций», подробно описанным в работах Якова Георгиевича Шемякина и других авторов²¹. Сравнивая опыт России и Латинской Америки, Шемякин пришел к выводу, что «реальность «пограничных цивилизаций» — это реальность конфликтного сосуществования на протяжении веков различных разновидностей универсализма»²². Наряду с противоречивостью перенесенных за океан отношений между «фаустовской» цивилизацией Запада и Пиренейской Европой (исходно уже пограничной) в самой Мексике столетиями тлел конфликт между наследием классических индейских цивилизаций (майя, ацтеки) и культурой представителей европейской цивилизации, ушедшей в то время далеко вперед. Кроме того, американско-мексиканская граница по существу является разделом между двумя ветвями христианства: мексиканским вариантом с характерными чертами классического католицизма и североамериканским, вобравшим в себя разные варианты протестантизма.

И самое главное — волею судеб Рио-Гранде стала не только национальной границей Мексики, но в понятиях геополитики и пограничьем латиноамериканской культурно-цивилизационной общности. Выдвинув известный тезис «Америка для американцев», Соединенные Штаты стали рассматривать себя как воспреемника слабеющих Испании и Португалии, способного подхватить «ценный дар», выпадающий из их рук. Позицию США предельно ясно изложил в 1786 г. будущий президент Томас Джефферсон: «Нашу конфедерацию надо рассматривать как гнездо, чье потомство разлетится по всей Америке — Северной и Южной. Мы должны в интересах всего великого континента сами овладеть им, вырвать его из рук испанцев. Лучше, чем с нами, этим странам не будет ни с кем. Боюсь, что испанцам с ними не совладать; они, наверное, даже не продержатся там до тех пор, пока мы эти страны, одну за другой, не поглотим»²³.

Более чем через два столетия своеобразный и весьма красноречивый ответ представил на официальном правительственном сайте Хуан Эрнандес, три года возглавлявший министерство по делам мексиканцев за рубежом. Ссылаясь на выступление президента Мексики Висенте Фокса, Эрнандес заметил: «Мы, мексиканцы — единая нация в 123 миллиона человек, 100 миллионов из которых проживают в Мексике, а 23 миллиона — в США; несмотря на разделяющие их расстояния и границы, они едины». Так воспринимают себя люди пограничья. Этот эпизод вспоминает в своей книге «На краю гибели» П.Бьюкенен, бывший одним из кандидатов в президенты от Республиканской партии США на выборах 1992 и 1996 гг.²⁴. Естественно этим «главный консерватор» Америки не ограничился. Он живописует жуткие картины страданий американских граждан от нелегальной иммиграции с юга.

Стоит ли удивляться, что в последние два столетия пограничные контакты с северным соседом для мексиканцев были полны драматических страниц и не раз оборачивались военными действиями. Однако всегда это были особые отношения. Американский бизнес, не очень вдаваясь в детали геополитики, искал возможность поставить себе на службу хозяйство южного соседа. При этом была испробована не одна модель: поставщика нефти, поставщика продовольствия, поставщика временной рабочей силы (брасерос), туристического центра. И в конечном счете остановились на

модели «сборочного цеха» («макиладора»), вынесенного за пределы США и снабжающего североамериканский рынок готовыми промышленными товарами. В результате к началу 2000-х годов ни одна другая страна мира не была столь зависима от поставок на североамериканский рынок (88—89% экспорта) и закупок на нем (73—75% импорта). Потом Мексику в торговле с США активно стал теснить Китай. Соответственно, в мексиканском экспорте к 2010—2011 гг. доля США понизилась до 80%, а в импорте — до 48%.

Пограничье — это двухсторонний коридор. Поэтому Мексика не раз играла своеобразную роль «последнего убежища», в том числе и для представителей североамериканского бизнеса. В истории американско-мексиканских отношений бывали весьма шокирующие страницы.

В 20-е годы, когда криминальный и полукриминальный бизнес США очевидно стал претендовать на легализацию, а правительство ответило на это принятием «сухого закона», именно север Мексики на время стал «спасительной гаванью» для производителей спиртного и владельцев казино. Только правительство Л.Карденаса смогло положить конец расцвету нелегального предпринимательства на мексиканской территории²⁵. И как не провести здесь аналогии с современной ситуацией. Администрация США почти празднует победу над кокаиновой мафией Колумбии. И при этом долго не замечает у себя под боком расцвета торговли более дешевыми синтетическими наркотиками. Более того, выясняется, что четвертый по величине банковский конгломерат США «Wachovia» в последние годы не только отмыл 380 млрд долл. от продажи наркотиков, но, как сообщала британская «Guardian», предоставлял деньги мексиканским наркокартелям для приобретения оружия, аренды самолетов и даже покупки подводной лодки. Уже после поглощения «Wachovia» американской финансовой компанией «Wells Fargo» в 2010 г. его бывшее руководство откупилось штрафом в 160 млн долл.²⁶ А в самой Мексике число жертв необъявленной войны между наркокартелями и их столкновений с армией и полицией исчисляется уже многими десятками тысяч человек.

Одновременно, не бросаясь в глаза, происходили и происходят куда более масштабные процессы, влекущие за собой колоссальные последствия для развития страны. Например, именно вследствие разворота к глобальному разделению труда на территории Мексики, по данным ЮНКТАД, располагается 25,7 тыс. филиалов зарубежных компаний, много больше, чем во всех остальных латиноамериканских странах (14 тыс.)²⁷. Более того, если не говорить об особом случае Китая (где сейчас насчитывают более 286 тыс. филиалов), по этому показателю Мексику в мире опережали всего три страны — Румыния (89,9 тыс.), Чехия (71,3), Венгрия (26,0), и чуть меньше таких филиалов было в Турции (21 тыс.).

Говорят, что перенося предприятие из США в Мексику, фирма может сэкономить до 90% издержек. Причины такого положения дел очевидны. Во-первых, географическая близость. Во-вторых, относительная простота процедуры оформления. Губернатор штата Сонора отметил, что инвестору достаточно осуществить 6 операций за 9 дней, чтобы зарегистрировать компанию, и 11 операций за 105 дней, чтобы начать строительство. Это несопоставимо меньше, чем в любой из стран BRIC. В-третьих, создаваемые предприятия, ориентированные на экспорт, получают от правительства немалые налоговые льготы. В-четвертых, по данным последнего докла-

Граница между городами Ногалес в штате Аризона, США (слева), и в штате Сонора, Мексика (справа)

да президента Мексики (сентябрь 2012 г.), цена рабочей силы в стране по-прежнему в 3,5—4,5 раза ниже чем в Канаде или США и в 6 раз меньше, чем в Японии. При этом, согласно данным «Атласа сложности экономик» Гарвардского университета для 128 стран, определяющему их способность производить высокотехнологичную продукцию, Мексика занимает 20-е место в мире, Китай — 29-е, Россия — 46-е, Индия — 51-е, Бразилия — 52-е²⁸.

Зарубежные филиалы несомненно играют важную роль в транзите современных технологий в Мексику, хотя делают это избирательно и содействуют переоснащению прежде всего сборочных предприятий («макиладорас») в северной приграничной зоне.

Вообще в пограничье с Мексикой формируется совершенно особая экономическая зона, поскольку центр инновационной и экономической активности США все больше смещается с Северо-Востока на Юго-Запад. При этом нужно учитывать, что американцы, будучи людьми практичными, четыре десятилетия назад не решились просто перенести производство на территорию соседней страны. Для подстраховки они создали целую систему «зеркальных городов» по обе стороны границы. Так, например, появились два первых промышленных парка, сооруженные синхронно в конце 60-х годов в Сьюдад Хуаресе (шт. Чиуауа) и Эль-Пасо (шт. Техас). Позднее в мексиканском штате Сонора и североамериканской Аризоне оформились два города Ногалес, напротив Тихуаны и Мехикали (Нижняя Калифорния) сложились экономические комплексы Сан-Диего и Калексико (Калифорния). В целом в эту сеть входит 48 городов по обе стороны границы. И в некоторых случаях такие города, что называется, «разделяет только забор».

Создание NAFTA значительно интенсифицировало отношения между приграничными городами²⁹. Сейчас, когда процесс интеграции становится многомерным, выходя за традиционные рамки межгосударственных отношений, накапливается опыт прямого трансграничного сотрудничества таких городов. Весьма показателен, например, реализуемый с 2006 г. совместными усилиями проект «Биотек без границ», который был инициирован организацией «San Diego Dialogue» для оценки возможностей развития конкурентоспособной высокотехнологичной промышленности в приграничных районах Сан-Диего — Нижняя Калифорния³⁰. Годом раньше начала работать на некоммерческой основе межнациональная лаборатория по устойчивому развитию («Laboratorio Binacional Sustentable»). Цель ее деятельности — организация технологического сотрудничества между действующими крупными и мелкими или вновь создаваемыми предприятиями по обе стороны вдоль всей границы Мексики и США³¹.

Можно сказать, что в хозяйстве Мексики «граница» реально находится южнее географической. Шесть северных штатов страны — Нижняя Калифорния, Сонора, Чиуауа, Коауила, Нуэво Леон, Тамаулипе — до сих пор представляют собой уникальный хозяйственный комплекс с сохраняющимся «креном» в сторону одного, а именно, североамериканского рынка. По данным промышленной переписи 2004 г., именно в этих штатах, где проживало 18% населения страны, было сосредоточено 35% занятых в промышленности и 29,5% промышленного капитала. Причем мексиканские «макиладорас» поглощают около 35% национального импорта и дают 40—48% всего экспорта. Удивляться не приходится: 4/5 их продукции вывозится за рубеж.

В целом на фоне других стран региона современная мексиканская экономика отличается высокой степенью открытости для внешних рынков и характерной структурой, в рамках которой функционирование наиболее модернизированного сектора носит преимущественно транзитный характер, а само хозяйство разделено на два неравных сегмента.

«Макиладорас» можно было бы рассматривать как ядро новой экономики, но они представляют собой очень специфический сегмент, до сих пор слабо связанный с остальной частью мексиканской экономики. При этом в структуре производства северных штатов происходят интенсивные изменения. Швейные «макиладорас» первого поколения переносятся на юг страны, в Центральную Америку и карибские страны. Быстро возрастает доля «макиладорас» не только второго, но и третьего поколения, работники которых, как правило, имеют высшее образование. Так называемые «электронные макиладорас» третьего поколения заняты выпуском самого современного электронного и телекоммуникационного оборудования.

По данным специального портала «Макила» (Maquila), из первой сотни ведущих макиладорас 35 компаний со 110 предприятиями относятся к сектору электронной промышленности, и все они — иностранные филиалы. В этом списке наряду с немалым числом североамериканских компаний («Thomson, Inc.», «Kemet Corp.», «Sanmina-SCI», «Whirlpool» и др.) присутствуют известные фирмы Японии («Sony Corp.», «Toshiba» и др.), Голландии («Philips Electronics»), Германии («Siemens AG»), Республики Корея («Samsung», «Daewoo Industrial» и др.), Китая, Канады, Сингапура, Тайваня, Финляндии³².

Вместе с тем после принятия нового закона о развитии промышленных «макиладорас» в 1983 г., разрешившего до 20% произведенной ими продукции реализовать на внутреннем рынке, роль этой группы предприятий в мексиканской экономике начинает медленно, но неуклонно меняться. Сейчас в шести северных штатах сосредоточено не более 2/3 таких предприятий. Они, ранее бывшие синонимом «пограничья», начинают распространяться по всей территории страны вплоть до Юкатана. Происходит процесс, отдаленно напоминающий историю с добывающими анклавами прошлого века. Во второй половине XX в. большинство иностранных анклавов на территории латиноамериканских стран начали интенсивно развивать связи с местными предприятиями и банками, диверсифицировать бизнес. В результате само понятие «анклавности» постепенно «растворилось», исчезло.

Качественному изменению «квазианклавного» характера развития северной зоны Мексики способствуют дальнейшие изменения в глобальном разделении труда. Все большее число не только крупных, но и мелких предприятий по всей стране вплоть до Юкатана подключаются к глобальным производственным цепочкам³³. В перспективе такие процессы очевидно только усилятся, хотя во многом это будет зависеть от общей траектории модернизации, которую выберет Мексика.

Впрочем, рассчитывать на то, что в ближайшие десятилетия эффект пограничья прекратит свое действие, а экономика Мексики станет более гомогенной и будет ориентироваться на внутренние стимулы развития, не приходится. Есть признаки появления нового «пограничья» на юге страны — зоны интенсивной иммиграции из Центральной Америки. Причем южная и северная приграничные зоны зачастую оказываются связанными, поскольку большинство иммигрантов с Юга рассматривают их как транзитные, а конечной целью имеют территорию Соединенных Штатов.

Более того, феномен «пограничья» обретает для страны ключевое значение, постепенно поднимаясь до уровня судьбоносного выбора. В остром по содержанию и почти провокационном эссе известный политолог Хорхе Г.Кастаньеда и историк Эктор Агилар Камин приходят к выводу, что в современном глобальном мире только две крупные страны, по крайней мере теоретически, обладают привилегией выбирать, к какому региону они хотят относиться. Обе они в географическом и культурном плане оказались в «дверном проеме» (другими словами, пограничье) между двух миров. Одна из них — Турция с населением более 80 млн человек, чей исторический выбор был крайне сложен: остаться азиатской, исламской, закрытой страной или превратиться в европейское, светское, демократическое и глобализированное государство. Турция выбрала второй путь, вступив в НАТО и ОЭСР. Авторы эссе видят сходство с ситуацией в Мексике, «сердце которой находится в Латинской Америке, а голова, кошелек и десятая часть населения — в Северной Америке»³⁴. В конце 80-х годов решительное, интеллигентное, хотя и авторитарное правительство без особых дебатов и консультаций подтолкнуло общество, проникнутое духом национализма и антиамериканизма, к глубокой торговой интеграции с США (в рамках NAFTA). Через 15 лет все вернулось «на круги своя». Мексиканское общество и элита не знают, чего хотят, настал час нового выбора между разворотом к Северной или Латинской Америке. И если Мексика выберет последнее, замечают Кастаньеда и Агилар Камин, то на кого и на что ей ориентировать-

ся — «на вселенную Селайи с классическим сомбреро, на Уго Чавеса с его неизменным беретом, на стареющего Рауля Кастро, на не очень жаждущую нашего соседства Бразилию или все же на Северную Америку»?³⁵.

Представляется, что упомянутые авторы, весьма образно высветив острую проблему, почему-то априори исключают всякую возможность поиска Мексикой собственного пути развития. Подобный путь естественно не исключает сближения со странами Севера или Юга, но не означает неизбежного следования уже устоявшимся стереотипам и тем более слепого копирования зарубежного опыта. Нельзя игнорировать творческий потенциал мексиканцев, как и других представителей современного «пограничья».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ México quiere romper amarras. — Infolatam. Madrid, 2.XI.2010. Малинче или Малинцин (Марина) — 15-летняя рабыня, переданная индейцами Эрнану Кортесу среди многочисленных даров вскоре после его высадки на побережье Мексики. Благодаря исключительной способности к языкам она стала переводчицей, верной помощницей, а потом и возлюбленной Кортеса. Ласаро Карденас — президент Мексики, инициировавший проведение целого ряда масштабных реформ, на многие годы определивших путь развития страны.

² См., например: И.К.Ш е р е м е т ь е в. Мексика: «восходящий гигант» в стратегическом «капкане» блока НАФТА. — Латинская Америка, 2010, № 5.

³ Эта точка зрения обоснована в монографии, посвященной сравнительному анализу бразильской и мексиканской моделей «восхождения». — В.М.Д а в ы д о в, А.В.Б о - б р о в н и к о в. Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении). М., 2009.

⁴ Дж.Ф р и д м а н. Мир в следующие 100 лет. Реферат. — Институт демократии и сотрудничества. Нью-Йорк, 2009, с. 26—28.

⁵ Фактически на очередном саммите 2010 г. в г. Бразилиа группа институционализировалась как BRICS в составе пяти стран: Бразилии, России, Индии, Китая, ЮАР.

⁶ J.O'N e i l l, D.W i l s o n, R.P u r u s h o t h a m a n, A.S t u p n y t s k a. How Solid are the BRICs? — Goldman Sachs. Global Economics Paper, 2005, N 134, p. 1, 7—9; J. O'N e i l l, A.S t u p n y t s k a. The Long-Term Outlook for the BRICs and N-11 Post Crisis. — Goldman Sachs. Global Economics Paper, 2009, N 192, p. 1—3.

⁷ См.: Б.Ф.М а р т ы н о в. Безопасность: латиноамериканские подходы. М., 2000, с. 94—95; е г о ж е. История международных отношений стран Латинской Америки (XX — начало XXI вв.). М., 2008, с. 173, 182.

⁸ В.П.С у д а р е в. Две Америки после окончания «холодной войны». М., 2004, с. 95.

⁹ В.А.Т е п е р м а н. Мексика — США: приграничные хозяйственные связи. — Латинская Америка, 1980, № 3, с. 99.

¹⁰ К моменту прихода к власти Порфирио Диаса (1885 г.) в стране была только одна железная дорога длиной 640 км, а в 1910 г. их протяженность выросла до 19280 км. Североамериканский капитал финансировал примерно 42% их строительства, английский — 35%. Государство щедро расплачивалось со вкладчиками, выделяя концессии, предоставляя субсидии и льготы. В 1902—1906 гг. три железные дороги были выкуплены государством и переданы созданной компании «Ferrocarriles Nacionales de México». Так было положено начало государственной монополии в отрасли. — Новая краткая история Мексики. М., 2008, с. 202.

¹¹ Подсчитано по: WB. World Development Indicators, 2012. Washington, 2012, p. 20—22, 320—322.

¹² В.М.Д а в ы д о в. Современная мексиканская наука. — Культура Мексики, М., 1980, с. 104.

¹³ Мексика: капитализм и общество. Противоречия развития. М., 1990, с. 44—51.

¹⁴ См.: В.М.Д а в ы д о в. Долговой кризис в условиях зависимого капиталистического развития. — Долговой кризис на латиноамериканской периферии мирового капитализма. М., 1989, с. 17—20; Энциклопедия. Латинская Америка. М., 2013, с. 665.

¹⁵ Социально-экономические модели в современном мире и путь России. Кн. 2. Социально-экономические модели (из мирового опыта). М., 2005, с. 857.

- ¹⁶ Anuario estadístico de América Latina y el Caribe, 2011. Santiago de Chile, 2011, p. 140.
- ¹⁷ Л.Н.Гумилев. От Руси до России. М., 2006, с. 171—175.
- ¹⁸ J.L.Gómez-Martínez. «Mestizaje» y «Frontera» como categorías culturales iberoamericanas. — Estudios interdisciplinarios de América Latina y el Caribe. 1994, № 1; J.M.Sandoval Palacios. México y Polonia, «países-frontera» del Área de Libre Comercio de América del Norte y de la Comunidad Europea. Ponencia en el X Congreso de la FIEALC. Moscú, 2001; D.Villafuerte Solís. La centralidad de las fronteras en tiempos de mundialización. — Comercio exterior. México, 2009, N 9, p. 693—703.
- ¹⁹ «Плавильный тигль» — это название пьесы Израэля Зангвилла, поставленной в 1908 г. Сама идея пьесы в то время очень заинтересовала президента Теодора Рузвельта и положила начало почти столетней общенациональной полемике о «переплавке и преобразовании» иммигрантов. — С.Хантингтон. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004, с. 203—208.
- ²⁰ На деле речь идет о «прецедентном праве», однако сама практика доказывает, что нельзя каждый конкретный юридический казус регулировать законодательно. Характерные примеры: женщинам-присяжным во время судебного заседания нельзя вязать (местный г. Мехико в шт. Монтана), шофер такси не имеет права хватать за шиворот и насильственно втягивать в машину возможного пассажира (Альбукерк, шт. Нью-Мексико), запрещается использовать слонов для вспашки хлопкового поля (шт. Северная Каролина) и т.п.
- ²¹ Я.Г.Шемякин. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001, с. 192—344; С.И.Семёнов. Компаративные лонгитюдные исследования общего и особенного в пограничных цивилизациях Европы и Америки. — Цивилизационные исследования. М., 1996.
- ²² Я.Г.Шемякин. Указ. соч., с. 355.
- ²³ Цит. по: М.Медина. Соединенные Штаты и Латинская Америка. XIX век (История экспансии США). М., 1974, с. 7, 30.
- ²⁴ П.Бьюкенен. На краю гибели. М., 2008, с. 157—158.
- ²⁵ Confederación de Cámaras industriales de los Estados Unidos Mexicanos. Historia y desarrollo industrial de México. México, 1988, p. 46—51.
- ²⁶ Подробнее см.: BFM.RU, 3.IV.2011.
- ²⁷ UNCTAD. World Investment Report 2009. New York; Geneva, 2009, p. 222—223.
- ²⁸ México hace más fuerte a Norteamérica. — Comercio exterior. Mexico, 26.X.2011. — revistacomercioexterior.com; Reconocen las capacidades productivas de México. — Comercio exterior, 29.X.2011.
- ²⁹ J.E.Mendoza Cota. Ingresos, integración económica y empleo en las ciudades fronterizas de México y Estados Unidos. — Economía mexicana Nueva época. Mexico, 2006, № 1, p. 37—57.
- ³⁰ San Diego Dialogue. Borderless Biotech & Mexico's Emerging Life Sciences Industry. San Diego, 2006, p. 1—2.
- ³¹ G.Dutrenit, M.Capdevielle, J.Corona e.a. The Mexican national innovation system: structures, policies, performance and challenges. México, 2010, p. 330.
- ³² MAQUILA 2012 TOP 100.
- ³³ S.Ordóñez. Capitalismo del conocimiento: ¿México en la integración? — Problemas del desarrollo. Mexico, 2006, N 146, p. 61—62.
- ³⁴ J.G.Castañeda, H.Aguilar Camín. Un futuro para México. — Nexos, 2009, Noviembre., p. 38—39.
- ³⁵ Ibidem.

Окончание следует